Игорь Мананников

доктор философии, доцент Высшей школы психологии в Риге (Латвия), руководитель Лаборатории прикладного религиоведения в Восточной Европе (Рига)

ПЕРВЫЙ ВАТИКАНСКИЙ СОБОР vs ВТОРОЙ ВАТИКАНСКИЙ СОБОР: РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ?

Цель работы — показать католический взгляд на реформацию и революцию. Сконцентрируем внимание на вопросе, что такое собор и как он воспринимается в апостольской церкви (у католиков и православных). Для этого необходимо сделать небольшой, но важный для понимания, исторический экскурс.

Когда Иисус Христос избрал 12 учеников, он тем самым основал церковь. После дня пятидесятницы, когда Дух сошел на апостолов, началась история церкви. Это было начало церкви. Иисус Христос выбирает 12 апостолов, апостолы разъезжаются по всей империи, появляются в Риме, в Антиохии, в Александрии, по всей Азии. Мы видим, что в течение, примерно, около 100 лет после смерти и воскресения Христа церковь существует без Писания.

Я обращаю на это внимание, потому что сейчас важно будет определить разницу между писанием и преданием. Если сравнивать с

лютеровским «sola Scriptura» (только Писание), можно сказать, что католичество настаивает на том, что есть только одно — sola ecclesia (только церковь). Так вот Писание для католиков — вещь вторичная, почему? Потому что церковь эффективно существовала без писания в течение 100 лет, все эти общины, которые были, допустим, в Эфесе или в Коринфе были христианскими и при этом никто из них не читал Евангелия. Апостолы приходят — апостолы уходят, церковь остается. Были просто общины, верующие, они никогда не читали Новый завет, у них его просто не было, но тем не менее, они были христианами, они вели христианскую жизнь, которая сегодня ставится в пример.

Потом в Церкви в контексте общинной жизни появляется Священное писание, которое выполняет в то время больше объединяющую функцию, чем вероучительную. Писание появляется внутри церковной общины, как кристалл соли, который как бы из всей церкви сконцентрировал в тексте все самое лучшее и стал мерилом христианской жизни, но не абсолютным и абстрактным (как это считают протестанты), а зависимым от контекста общины, то есть всей Вселенской Церкви.

Как известно, к примеру, у мусульман Коран был дан людям весь сразу, неизменно, он как бы «упал с неба». Библия «не упала с неба», ее писали разные люди, в разное время по разным причинам, иначе говоря, она появилась в контексте всей жизни Церкви. Например, если произойдет ядерная война, исчезнет Библия, ее вырежут из памяти враги, или произойдет что-то подобное — то есть уберут ее как факт истории, что останется у христиан? Трагедии не произойдет. У нас есть христианский народ, который несет в себе соль Духа Святого, эта соль опять кристаллизуется, опять напишут текст новой Библии. Эта возможность и есть предание, о котором говорит католическая церковь.

Это есть предание, которое, собственно, является основой любой апостольской церкви (как Католической, так и Православной). Получается, у нас в контексте Предания существует Писание, которое направляет и регулирует жизнь христиан, оно формирует церковность так же, как и церковность, в свою очередь, формирует понимание этого Писания. Писание уже дано, но понимание его изменяется с течением времени.

Постановление Второго Ватиканского собора (ВВС) говорит в энциклике «О Божественном Откровении»: «*Наше понимание Откровения растет, — свой вклад в него вносят и размышления и исследования верующих, слагающих слова Откровения в сердце своем*[1]*, и более глубокое опытное*

[1] Смотри Лк. 2:19 и 2:51.

познание вещей духовных, и поучения тех, кто благодаря епископскому преемству получает силу истины. На протяжении столетий Церковь движется к восполнению Божественной истины, пока не будут познаны все слова Бога»[2].

У нас есть христианский народ, который несет в себе соль Духа Святого, эта соль опять кристаллизуется, опять напишут текст новой Библии.

Этим самым ВВС (Второй Ватиканский Собор) говорит о том, что Откровение мы не понимаем до конца. Также как апостолы, помните, они не понимали всех слов Иисуса. Что-то понимали, а что-то нет. Они постоянно спрашивали, Он говорил вроде бы простые вещи, но они его постоянно недопонимали. И мы видим, что ВВС говорит о том, что это же про. исходит до сих пор, то есть и сейчас Церковь находится в том состоянии, что она постоянно уточняет Откровение, которое дано в Писании. Дух Святой, который является нашим Учителем, работает с нами до сих пор.

Следующий момент, который тоже нужно уточнить — это то, что в апостольских церквях есть такое понятие, как апостолат, то есть учительская функция апостолов.

Христос выбрал 12 апостолов, несмотря на то, что были другие ученики, было 70 учеников, были 120 и еще тысячи людей, которые тоже регулярно следовали за Христом. Но Он избирает именно небольшой круг учеников, Католическая церковь называет их апостолами. Если бы сутью учения Христа были только Его слова, то и другие ученики, например, из числа 70 тоже могли быть апостолами, они ведь тоже слышали эти слова. Но Христос хотел передать 12-и что-то большее, не только Свои слова. Католическая церковь понимает под этим апостольскую учительную власть. Таким образом, учение передается через апостолов и их наместников (преемников) — епископов, то есть учение не распространено во всем народе равномерно. Есть специальные люди — апостолы, которые являются носителями или лучше сказать, хранителями учения, и есть епископы, которые наследуют функцию апостолов. Можно сказать, что апостолат — это учительная функция в Церкви.

Теперь мы видим, что понятие «Церковь» для католика и для протестанта — это разные вещи, то есть когда протестант употребляет слово «Церковь», католик понимает совсем другое.

[2] Deiverbum № 8.

Традиционно (некоторые католики тоже так считают) Первый Ватиканский собор (ПВС) понимается в качестве консервативного собора, в то время как ВВС считается либеральным. Я считаю, что это большое упрощение. ПВС, который произошел в 1870 году, созван Папой Пием Девятым. Обычно на соборах какие-то учения подвергались осуждению, на этом соборе так же было: осудили учения социализма, либерализма, национализма и прочие. Но основным событием стало принятие догмата о папской непогрешимости, который является для многих камнем преткновения, и поэтому я хочу на нем заострить внимание.

Сам текст постановления: *«Мы учим и провозглашаем, следуя свидетельствам Евангелия, что первенство юрисдикции над всей Церковью Божией было обещано и передано прямо и непосредственно блаженному Апостолу Петру Христом, Господом нашим».*

Канон, то есть официальный комментарий: *«Если же кто-то утверждает, что блаженный Апостол Петр не был поставлен Иисусом Христом, Господом нашим, главой над всеми Апостолами и видимым главой всей воинствующей Церкви или что Апостол получил непосредственно и прямо от Иисуса Христа, Господа нашего, лишь первенство чести, а не первенство истинной и собственной юрисдикции, да будет анафем».*

Здесь мы видим, что догматика дается всегда персонально и ситуативно. Вообще, догмат в апостольской церкви, я буду говорить только про католическую церковь, — это вещь функциональная, догматы ситуативны, а не абсолютны.

Например, догмат о единосущности Сына появился как ответ на заблуждения среди христиан в IV веке. Догматы являются ответом на вопросы со стороны, ответом на заблуждения и ереси. Если бы не было гностических ересей, то и не приняли бы догмат о единосущей природе Сына. Просто вопрос такой не появился бы. О догмате никто ничего не знает и его нет до того времени, пока не появляются неверные суждения о чем-то. В IV веке появляется ересь, которая говорит: «Нет, Христос не был настоящим человеком, это было видение». Это распространяется по церкви, тогда в ответ собираются апостолы или епископы и придумывают догмат: «Нет, Христос имеет и человеческую, и божественную природу».

То есть догмат — это всегда ответ на заблуждение. Грубый пример. Если бы, например, Моисей пришел с горы, а ему ученики говорят: « А вот мы считаем, что Бог имеет форму тельца». Моисею пришлось бы создать догмат о том, что Бог — это не телец, и теперь у нас был бы догмат о том, Бог — это не телец. Католическая церковь относится к догматам довольно легко и просто, потому что понимает, что они функциональны, то есть они могут меняться.

Догмат о непогрешимости папы звучит так:

«Папа Римский, когда он говорит с кафедры, то есть когда, исполняя свои обязанности учителя и пастыря всех христиан, определяет, в силу своей верховной апостольской власти, что некое учение по вопросам веры и нравственности должно быть принято Церковью, пользуется Божественной помощью, обещанной ему в лице святого Петра, той безошибочностью, которой Божественный Искупитель благоволил наделить Свою Церковь, когда она определяет учение по вопросам веры и нравственности. Следовательно, эти определения папы Римского непреложны сами по себе, а не из согласия Церкви».

Однако там дальше есть уточнения, которые важны:

«Ибо Святой Дух был обещан преемникам Петра не для того, чтобы через Его Откровение они распространяли новое учение, но чтобы с Его помощью они свято хранили и верно излагали Откровение, переданное через Апостолов, то есть залог веры».

То есть догмат о папской непогрешимости имеет следующий смысл — это просто хранение, как бы залог хранения веры. Это было необходимо, потому что церковь вступала в период, когда классовое, общественное движение становилось более активным. Старая социальная система — то есть духовенство, дворяне и крестьяне, — начала разрушаться, появилась буржуазия, появились разные сообщества, появилось либеральное течение, появились первые революционные движения и так далее. Церковь должна была выработать в себе какое-то мнение по этому поводу, какую-то точку опоры, с помощью которой она могла бы потом обращаться к миру.

Почему я считаю, что ПВС и ВВС связаны между собой? Потому что, чтобы обращаться, вступать в диалог с миром, нужно иметь субъект, то есть нужен тот, кто будет обращаться к миру. Поэтому церкви нужно было выработать такой центр, который является видимым и непогрешимым, который может иметь мнение о чем-то. Папа является конечной инстанцией, он дает конечный ответ на вопрос, после которого нет никаких разногласий (в идеале).

ВВС произошел в 1962-63-64 гг. Во время ВВС сменилось два Папы, и мы видим, что собор не принимает никаких догматов, вообще не занимается догматическим учением. Отцы собора вообще не затрагивают этих тем. Но при этом ВВС считается самым прогрессивным собором.

Вообще, догмат в апостольской церкви — это вещь функциональная, догматы ситуативны, а не абсолютны.

Какие были цели у ВВС? Они были вполне конкретные. Начал его Иоанн

Двадцать Третий, а закончил его Павел Шестой. При открытии сессии Павел VI четко определил задачи Собора:

1. углубление самопознания (самораскрытия) Церкви;
2. обновление внутренней жизни Церкви;
3. продвижение вперед для единства христиан (экуменизм);
4. диалог с миром (осмысление внешней миссии Церкви).

Его задачей было способствовать единству христиан и добиться обновления теологии и практики католической церкви и ее приспособления к требованиям современности («aggiornamento» АДЖОРНАМЕНТО). АДЖОРНАМЕНТО — это модернизация, обновление или путь реформ, но ему предшествовало большое интеллектуальное движение. Уже в начале XX века, в 20-30-е годы, появились такие направления христианской мысли как персонализм, христианский экзистенциализм, неотомизм. Появились люди, которые как раз вырабатывали основы для философии, для новой философии католической церкви, которая была реализована соборными деяниями.

Например, очень много было противников перевода мессы на национальные языки. Они говорили, что при переводе исчезнет красота мессы, пропадут многие богословские нюансы и прочие вещи, но Папа прекрасно понимал, что месса на латинском языке противоречит миссии. С другой стороны, многовековые традиции тоже нельзя так просто отринуть. В традиции запечатлена жизнь Церкви, ее история, которая — умножьте ее на 20 веков, — вырастает в огромный массив информации, преданий, текстов, традиций, разных региональных традиций и т.д. Это огромный массив информации, который в XX веке невозможно реализовать, нереально использовать все эти традиции в жизни.

Вот такой набор традиций Церковь пыталась удержать в своем сознании, пыталась удержать и реализовать. Папа решил эту проблему на соборе. Было решено все это оставить любителям. Есть церкви, где мессу служат на латинском, то есть он не запретил это, он не убрал весь массив традиций. Собор просто решил, что все эти традиции отдаются на откуп людям, на вашу свободу: если хотите, молитесь по-латински, если хотите – на национальных языках. Есть определенный минимум — новая месса, которая сейчас везде и во всем мире служится. Все стало проще.

Был изменен строй церковной жизни, это очень сильно облегчило жизнь мирянам, потому что у мирян появилась возможность понимать богослужение.

Следующим шагом было введение мирянского апостольства. Миряне объявлялись главной силой распространения Благой Вести в мире. Конечно, учительство епископов сохранялось, но деятельность мирян существенно расширилась.

Поэтому вся работа ВВС была направлена на то, чтобы изменить жизнь церкви именно в этом направлении, не в догматическом, а скорее в социальном. Поэтому, если сравнивать с Лютером и с реформацией, то можно увидеть здесь разницу. ВВС – не был реформацией в строгом смысле. Это было скорее обновление. Суть осталась прежней.

Лютер как раз занимался тем, что изменял суть учения. Начал он свою деятельность как обновленец, а закончил реформами в учении и церкви.

В случае с ВВС мы видим, что реформа проходит не по сути, а именно по форме. То есть здесь реформа — не есть возвращение к первоапостольским временам. По католическому учению, вернуться в первоапостольские времена невозможно, так же как взрослому нельзя стать ребенком. Это и не нужно, это неправильная постановка вопроса потому, что, если мы считаем, что в те времена было лучше, то мы, тем самым, обесцениваем нашу теперешнюю жизнь, то есть мы не верим в то, что мы реально живем в Духе Святом, реально участвуем в жизни Церкви. Получается, что мы хотим вернуться туда, где Дух Святой был активным (как нам кажется). Получается, что мы считаем, что Он сейчас не работает, что сейчас мы не в Нем.

В случае с ВВС мы видим, что реформа проходит не по сути, а именно по форме.

Католическая церковь считает, что мы находимся в Духе так же, как это было 2000 лет назад, поэтому ничего менять не надо. Дух Святой находится так же в Церкви, как и в первоапостольские времена. Единственное, нужно просто изменить форму взаимодействия с миром и между христианами. Поэтому ВВС, несмотря на то, что был довольно давно, до сих пор остается серьезным вызовом: и для Церкви, и для мира. Папа не ставил вопрос об учительстве церкви, не ставил вопрос о предании, Собор поставил вопрос о новой форме существования церкви. Потому что основной задачей было найти общий язык с современным человеком.

Сегодня проблема Церкви стоит в другой плоскости. Что нам нужно — реформация или революция? Или, может быть, нам еще нужно найти что-то третье? Нам нужно искать новые вопросы, постараться выйти из старой парадигмы мышления, чтобы найти новые формы существования церковности. Это касается и католиков, и протестантов, и православных, в том числе. Это вызов для всех христиан, потому что в новом глобальном мире христианство будет представлено в каком-то другом модусе своего существования, модусе, который будет игнорировать понятие революции и реформации, который будет игнорировать дискурс фундаментализма и либерализма, как устаревший — вот этот новый метод существования Церкви в мире и нужно стараться найти.